

На самом деле Цюй И хотел сказать многое, но слова застревали у него в горле. Его пальцы сжимались и разжимались, потом он протянул руки и обнял Лян Каншэна за талию.

Тело Лян Каншэна дрогнуло, и они тихо стояли, обнявшись, успокаивая свои эмоции и чувствуя тепло между ними.

Через некоторое время Цюй И вдруг покраснел, оттолкнул Лян Каншэна и, опустив голову, не решался смотреть на него:

— Муж, мне нужно тебе кое-что сказать.

Лян Каншэн, недовольный тем, что его оттолкнули, сразу же снова притянул Цюй И к себе:

— Игэр, говори прямо.

Голос Цюй И был тише, чем шепот:

— Бабушка сегодня сказала, что нам сейчас лучше не заводить детей.

— Что? — Лян Каншэн не расслышал, голос Цюй И был слишком тихим и невнятным.

— Я сказал, бабушка сказала, что нам сейчас лучше не заводить детей, — Цюй И повысил голос. — Не пойми неправильно, бабушка говорит, что, когда мы поправимся, наши дети будут крепче.

Теперь Лян Каншэн всё понял, и его лицо тоже покраснело. Два человека, которые уже несколько лет были женаты и спали в одной постели, вдруг из-за темы детей стали похожи на только что поженившихся молодожёнов, оба смущались и не решались смотреть друг на друга.

Цюй И, видя, что Лян Каншэн молчит, подумал, что он расстроен, и поспешно объяснил:

— Муж, в тебе ещё остался яд, я думаю, что, когда ты избавишься от него, мы сможем...

Он не смог закончить, его лицо покраснело, и он закусил губу, не зная, что делать.

Лян Каншэн постепенно улыбнулся, прижался к уху Цюй И и тихо сказал:

— Хорошо, когда я избавлюсь от яда, мы заведём малыша.

Цюй И, покрасневший до ушей, не сразу ответил. Через некоторое время он кивнул, и на его лице появилась улыбка, в глазах читались смущение и ожидание.

Почувствовав настроение Цюй И, Лян Каншэн был счастлив. Некоторые вещи в прошлой жизни не успели произойти, но в этой жизни он не упустит шанс.

На третий день после визита в семью Мэн отец Лян наконец пришёл в себя.

Пролежав в постели больше двух недель, он сильно похудел. Когда он открыл глаза, госпожа Чжуан как раз заходила в комнату с лекарством. Она так обрадовалась, что пролила половину чашки.

Но сейчас было не до лекарства. Она бросилась к отцу Ляна, смеясь и плача одновременно, её лицо выражало бурю эмоций.

Лян Каншэн и Цюй И помнили, что отец Лян очнулся через две недели после их свадьбы, но точное время забыли. Поэтому в этот день они с самого утра следили за главным двором и вскоре узнали, что он проснулся.

Перед тем как Цюй И и Лян Каншэн пришли, госпожа Чжуан уже кратко рассказала отцу Ляна о последних событиях. Что касается Цюй И, который женился на Лян Каншэне для исцеления, отец Лян испытывал сомнения.

Деревня Цюйцзя продавала клейкий рис на винокурню семьи Лян, поэтому отец Лян раньше общался со старухой Цюй. По определённым причинам у него осталось плохое впечатление о этой скупой и грубой старухе.

Если говорить откровенно, какие люди, такие и их дети. Он беспокоился, что Цюй И, выросший в крестьянской семье, унаследовал скупость своей бабушки. Такой человек не достоин его сына.

Кроме того, отец Лян беспокоился, что, пока он и его сын болеют, а жена наивна, если Цюй И окажется хитрым, в доме не будет покоя.

Что касается свадьбы для исцеления, отец Лян даже не подумал о Чжуан Цинцзэ. Он считал, что его шурина просто запаниковал и решил попробовать всё, что возможно, и не винил его.

Когда Цюй И и Лян Каншэн пришли к кровати отца Ляна, он уже собрался с мыслями и начал говорить с сыном и зятем, но через пару фраз почувствовал усталость и попросил их уйти.

Из-за плохого здоровья отец Лян выглядел вялым, и, учитывая, что в прошлой жизни он тоже был таким, его холодность не показалась Лян Каншэну и Цюй И странной.

Пробуждение отца Ляна стало важным событием для всей семьи, и дом наполнился суетой. Чжуан Цинцзэ быстро узнал об этом и поспешил в дом Лян.

— Шурина, ты наконец проснулся, — Чжуан Цинцзэ вошёл с выражением радости на лице. — Все эти дни ты был без сознания, мы очень волновались.

Увидев Чжуан Цинцзэ, отец Лян улыбнулся. Он был удивлён, узнав от жены, что пролежал в коме больше двух недель. Видя, как жена похудела, он понял, что все в доме были напуганы.

— Проснулся, и это главное. Я спрашивал у врача, говорят, что, если человек пришёл в себя, это уже половина дела. Теперь нужно постепенно восстанавливаться. Шурина, ты сильно похудел, я поищу что-нибудь полезное, чтобы поднять тебе и Каншэну здоровье.

Чжуан Цинцзэ наклонился, чтобы поправить одеяло, скрывая холодный блеск в глазах.

— Спасибо за заботу, — отец Лян похлопал Чжуан Цинцзэ по руке, чувствуя благодарность.

После нескольких слов о семейных делах Чжуан Цинцзэ вдруг хлопнул себя по лбу:

— Кстати, шурина, вы с сестрой разобрались с проблемой на винокурне?

Отец Лян упал именно потому, что мастер с винокурни сообщил ему, что больше половины нового вина имеет странный кислый вкус. Было ещё темно, и отец Лян шёл быстро, не заметив, как упал.

Услышав, что Чжуан Цинцзэ пришёл, Цюй И быстро осветлил лицо Лян Каншэна и переодел

его в свободную одежду, чтобы он выглядел более болезненным. Затем они поспешили к отцу Ляна.

Когда они вошли, как раз услышали, как Чжуан Цинцзэ говорит о винокурне. Цюй И и Лян Каншэн обменялись взглядами, поняв друг друга.

Лян Каншэн, улыбаясь, прервал Чжуан Цинцзэ:

— Дядя, ты пришёл.

За эти дни Лян Каншэн научился справляться с эмоциями, встречая Чжуан Цинцзэ, который убил его в прошлой жизни. Он разговаривал с ним как обычно.

Цюй И, следуя за Лян Каншэном, вошёл, опустив голову, и молча встал в углу, будто не хотел быть здесь.

Чжуан Цинцзэ, спрашивая о здоровье Лян Каншэна, краем глаза наблюдал за Цюй И. Его племянник был образованным человеком, а Цюй И даже не знал грамоты. После свадьбы они, как он и ожидал, не ладили.

Говоря о своём здоровье, Лян Каншэн нахмурился и с сожалением покачал головой:

— Моё здоровье неважно. Когда холодно, я слабею, и мне приходится носить на два слоя одежды больше, чем другим. Сейчас погода начинает теплеть, но я всё ещё не могу снять лишнюю одежду.

Чжуан Цинцзэ с неодобрением посмотрел на Лян Каншэна:

— Ты ещё молод, не говори таких пессимистичных вещей. Когда станет теплее, я найду что-нибудь полезное, и Цяоцинь приготовит это для тебя и твоего отца. Постепенно здоровье улучшится.

После нескольких слов госпожа Чжуан вошла с лекарством. Чжуан Цинцзэ, увидев лекарство в её руках, спросил:

— Сестра, ты снова вызывала врача? Может, лекарство нужно поменять?

— Уже поменяли. Как только шурин проснулся, Каншэн сразу же послал Догу за врачом. Это новое лекарство, которое врач прописал, — госпожа Чжуан была в хорошем настроении, её голос звучал легче, чем обычно.

Чжуан Цинцзэ на мгновение замялся, но быстро нашёлся:

— Правильно, рецепты нужно менять, разные лекарства лечат разные болезни.

После ещё нескольких слов Чжуан Цинцзэ собрался уходить. Госпожа Чжуан попросила его подождать, пока она соберёт кое-что для него.

Придя навестить больного с пустыми руками, Чжуан Цинцзэ ушёл с полной сумкой: новая одежда, которую отец Лян ещё не носил, несколько кусков вяленого мяса, куски мыла и другие мелочи.

Отец Лян воспринял это как должное, Чжуан Цинцзэ тоже без колебаний взял сумку и даже незаметно взвесил её.

Лян Каншэн даже бровью не повёл. Эти вещи для его дяди были каплей в море для семьи Лян.

На самом деле, только из-за последних событий госпожа Чжуан собрала так мало. Когда в доме всё спокойно, Чжуан Цинцзэ уходит с несколькими сумками.

Когда госпожа Чжуан вышла провожать Чжуан Цинцзэ, Лян Каншэн воспользовался моментом и сказал отцу:

— Отец, если новое вино испортилось, не переживайте. Ваше здоровье важнее. Мастера на винокурне опытные, они справятся. Выздоровливайте, и мы сделаем новое вино в этом году.

<http://bllate.org/book/16698/1533438>